

О том, что происходило за пределами обители, Юнь Тин не ведал ровным счетом ничего.

Вечером, закончив трапезу, он два часа просидел в медитации, а после отправился купаться. Спустя некоторое время, насквозь промокший, он ворвался в покои и, словно котенок, уютно примостился на коленях у Ши Сюньлюя, потираясь о него щекой.

Ши Сюньлюй в этот момент писал письмо. Застигнутый врасплох, он дрогнул рукой, отчего кончик кисти предательски вильнул. Смирненно поправив лист бумаги, он похлопал Юнь Тина по спине и произнес мягким, спокойным голосом:

— Учитель, сидите смирно.

На его лице не было ни тени недовольства. Скомкав испорченный лист, он взял новый и, обмакнув кисть в тушь, продолжил писать.

Юнь Тин, сидя к нему спиной, уперся руками в край стола и вытянул шею. Его влажные миндалевидные глаза с любопытством уставились на бумагу:

— Ученик, кому это ты пишешь?

Благодаря наставлениям Юнь Тина, прогресс Ши Сюньлюя в совершенствовании шел семимильными шагами. Всего за несколько месяцев он почти достиг стадии Золотого ядра. Огненный оттиск на его лбу стал ярче и выразительнее, черты лица — еще мужественнее и тоньше. Не прекращая писать, он ответил:

— Родителям.

— О-о.

Юнь Тин не стал ему мешать. Он завороченно наблюдал за тем, как ложились иероглифы, пока вдруг не увидел фразу: поиск Сердца Глазури. Его сердце пропустило удар. Он украдкой прижал ладонь к груди и, стараясь придать голосу безразличный тон, спросил:

— Ученик, хм... зачем тебе эта вещь?

Ши Сюньлюй замер. Подняв голову, он удивленно переспросил:

— Что?

Юнь Тин ткнул пальцем в бумагу. На его лице впервые не было привычной покорной улыбки, а в глубине глаз промелькнула настороженность.

Как бы это сказать? Он внезапно снова начал опасаться Ши Сюньлюя. Тайна о том, что Сердце Глазури находится у него, была подобна бомбе замедленного действия — стоило Ши Сюньлюю узнать правду, как она неминуемо взорвалась бы.

Ши Сюньлюй, заметив его реакцию, подтвердил:

— Я действительно ищу его.

Юнь Тин набрался смелости и продолжил расспросы, стараясь скрыть охватившее его волнение:

— Зачем оно тебе?

— Очистить корни духа, укрепить совершенствование, спасти людей, — медленно произнес Ши Сюньлюй. — Воды Небесного пруда хлынули в мир смертных, беда уже пришла. Небеса бессильны, но мир людей не может просто ждать смерти. Пусть я не знаю, удастся ли мне задуманное, но я обязан попытаться, даже если шанс один на миллион.

После перемещения в этот мир воспоминания о прошлой жизни и книжном сюжете постепенно тускнели. Небесный Путь, поначалу управлявший каждым его движением, перестал оказывать давление, как только он встретил Юнь Тина. Теперь Ши Сюньлюй чувствовал себя как рыба в воде, ощущая этот мир до боли родным, словно прожил здесь целую жизнь. Это лишь укрепило его решимость спасти человечество.

Юнь Тин, пребывая в полном недоумении, моргнул и принялся теребить край своей одежды:

— Но ведь ты совсем не знаешь этих людей. Зачем их спасать?

В глубине души Юнь Тина по-настоящему важными людьми были лишь он сам, его младшие соученики, а теперь — еще и Ши Сюньлюй. Остальные в его глазах... если выразиться мягко, были безразличны, если грубо — он их просто не замечал. Он был достаточно силен и холоден, умел заботиться о собственной безопасности, но никогда не задумывался о том, чтобы использовать эту силу для защиты других.

Ши Сюньлюй слегка опешил. Он внезапно осознал, что наивность Юнь Тина вышла далеко за пределы человеческого понимания, приблизившись к высокомерию небожителей, взирающих на мир смертных сверху вниз. Но сам Юнь Тин этого не осознавал.

Подумав об этом, Ши Сюньлюй опустил взгляд и встретился с глазами учителя. Помолчав, он тихо спросил:

— Учитель, если бы я был сейчас обычным смертным, не ставшим вашим учеником, спасли бы вы меня, случись беда?

Голос его звучал едва слышно, в нем сквозило ожидание, которого он сам не замечал. Юнь Тин нахмурился, задумчиво прикусил палец и честно покачал головой. Однако спустя мгновение, словно передумав, он неуверенно кивнул:

— Возможно.

Ши Сюньлюй слегка расслабился и, слабо улыбнувшись, мягко подвел его к ответу:

— Почему? Я ведь для вас просто чужак. Почему вы решили бы меня спасти?

На этот раз Юнь Тин не нашел что ответить. После долгих раздумий он окончательно сдался и, распластавшись на столе, пробормотал:

— Не знаю.

Сказав это, он пнул ковер и затих. Плохой ученик, зачем задавать такие сложные вопросы?

Ши Сюньлюй понял, что поторопился, и не стал настаивать. Они сидели в тишине, прижавшись друг к другу, в свете мерцающей свечи: один продолжал писать, другой — смотреть.

Лунный свет мягко струился из окна. Видя, что Ши Сюньлюй не обращает на него внимания, Юнь Тин решил развлечь себя сам. Он лег на колени ученика и потянулся к его волосам, пытаясь заплести косички. Вскоре гладкие черные пряди превратились в невообразимый хаос, и Юнь Тин с чувством вины убрал руки.

Ши Сюньлюй не возражал. Закончив письмо, он подошел к окну, выпустил почтового голубя и вернулся к Юнь Тину, который продолжал что-то чертить на столе:

— Учитель, пора отдыхать. Глава Минхуэй просил вас завтра пораньше явиться в зал Цюли, не опаздывайте.

Его лицо казалось обычным, но Юнь Тин кожей чувствовал скрытую тревогу — словно под гладью спокойного озера бурлили тайные течения.

После того как погасли огни, они легли рядом. Ши Сюньлюй повернулся спиной и вскоре его дыхание стало ровным. Юнь Тин, высунувшись из-под одеяла, долго колебался, а затем робко ткнул ученика пальцем в спину:

— Ученик?

Ши Сюньлюй вздрогнул. В темноте послышалось шуршание — он перевернулся и оказался

лицом к лицу с Юнь Тин. Их теплое дыхание смешалось, создавая странную, почти интимную атмосферу.

— Что такое, учитель? Не спится?

Юнь Тин молчал. Ши Сюньлюй подождал, но, не дождавшись ответа, уже хотел спросить снова, как вдруг почувствовал на своих губах тепло. Мгновение спустя в его рот проникло нечто влажное — кто-то настойчиво раздвигал его зубы, начиная свою игру.

Осознав, что делает Юнь Тин, Ши Сюньлюй почувствовал, как к лицу приливает жар. Его дыхание сбилось и стало тяжелым. Он вцепился пальцами в плечи учителя, не зная, как поступить, но в итоге так и не оттолкнул его.

Скрытые покровом ночи, двое, связанные узами учителя и ученика, в уединении предавались тому, что было непозволительно. На кровати они сплелись в объятиях, их одежда оказалась сброшена, обнажая белоснежные ключицы.

Ши Сюньлюй запустил пальцы в волосы Юнь Тина, запрокинул голову, и его кадык бессильно задвигался. В темноте раздавались лишь влажные звуки поцелуев.

Через некоторое время Юнь Тин остановился. Тяжело дыша, он прильнул к шее Ши Сюньлюя и, сильнее обняв его за талию, потерся о него. Его чистый голос, ставший непривычно хриплым, прозвучал в ночной тишине, а в уголках глаз, подсвеченных лунным светом, блеснула краснота:

— Ученик, мне так тяжело.

Ши Сюньлюй на ощупь нашел лицо Юнь Тина и попытался успокоить свое сбившееся дыхание. В его глазах внезапно вспыхнул слабый красный огонек — в темноте он казался совсем другим человеком, от него веяло едва уловимой угрозой. Не обращая внимания на ласки учителя, он хрипло спросил:

— Учитель, почему вы меня поцеловали?

Юнь Тин придвинулся к самому его уху, вызывая легкую дрожь:

— Я хотел, чтобы тебе стало приятно, чтобы ты пораздовался. Ты был расстроен и не хотел со мной говорить.

— Почему ты хочешь, чтобы мне было приятно? — Ши Сюньлюй, словно жаждая получить ответ, с силой притянул лицо Юнь Тина к себе, заставляя смотреть прямо в глаза. — Когда твои соученики грустят, ты тоже целуешь их, чтобы они развеселились?

Из-за потери части души Юнь Тин стал чист, как белый лист. Он не знал, что можно делать, а что нельзя, и его логика была предельно простой: он считал, что поцелуи — это приятно, и если ему хорошо, значит, и Ши Сюньлюю тоже будет хорошо. Ему и в голову не приходило, что в представлении других людей это дозволено лишь влюбленным.

Ши Сюньлюй внезапно ощутил робкую надежду. А вдруг? Вдруг учитель действительно прозрел? Но, подобно Юнь Тину, он боялся заглянуть вглубь себя и задать вопрос: откуда взялось это ожидание?

Юнь Тин, услышав вопрос, печально покачал головой. Он не понимал, почему после поцелуя Ши Сюньлюй стал еще мрачнее, и подумал, что быть наставником — самое хлопотное дело на свете:

— Я никогда не делал этого с другими.

— Тогда знает ли учитель, что так могут поступать только супруги?

Ресницы Юнь Тина дрогнули. Чувствуя себя неловко, он завернулся в одеяло и, свернувшись калачиком в углу кровати, глухо произнес:

— Я не знаю. И не хочу знать.

Я делаю то, что хочу, зачем мне эти правила?

Ши Сюньлюй побледнел. Казалось, огонь в его сердце окатили ледяной водой — холод пробрался до самых костей, даже язык онемел. Он горько усмехнулся, глядя на спину Юнь Тина, и спустя долгое время коснулся его мочки уха:

— Учитель...

Юнь Тин вздрогнул и сильнее сжал одеяло. Голос Ши Сюньлюя, подобный журчанию ручья, утихомирил его тревогу:

— Ты можешь не знать... Но, учитель, ты ведь такой могущественный, не сможешь ли ты мне?

Юнь Тин, по натуре своей напоминавший ребенка, при упоминании о своем могуществе невольно приободрился. Он повернулся к Ши Сюньлюю, и в его черных глазах впервые промелькнула серьезность:

— Ты так сильно хочешь получить Сердце Глазури?

— Обязательно хочу. — Ши Сюньлюй провел пальцем по слегка покусанной губе Юнь Тина. — Только так я смогу защитить тех, кто мне дорог. Сила смертных слишком ничтожна, учитель.

Пальцы Ши Сюньлюя скользнули по его виску, носу и, наконец, остановились на губах, вызывая легкое онемение. Юнь Тин невольно сжал его запястье и поднял взгляд:

— ...

А если цена Сердца Глазури — потеря меня, что ты выберешь?

Юнь Тин всегда был прямолинеен, но сейчас неожиданно промолчал, словно боясь услышать ответ. Спустя мгновение он глухо бросил:

— Спи.

Он так и не дал согласия.

Ши Сюньлюй подавил разочарование, внешне оставаясь спокойным. Он вытащил Юнь Тина из одеяла, и они прижались друг к другу, каждый погруженный в свои мысли.

Вскоре, когда Юнь Тин крепко уснул, пальцы Ши Сюньлюя дрогнули, и он внезапно открыл глаза. В темноте его зрачки светились алым, словно в них теплился голубоватый огонек — опасный и завораживающий. Однако взгляд его был затуманен, словно он внезапно лишился части памяти. Ши Сюньлюй коснулся ноющих губ, пытаясь понять, что произошло, но усталость взяла свое, и под мерное дыхание Юнь Тина он снова закрыл глаза.

Ночь прошла без сна.

На рассвете Юнь Тин проснулся раньше всех. Тихо встав с кровати и приведя себя в порядок, он отправился в зал Цюли.

Из-за чрезвычайных обстоятельств Минхуэй собрал учеников и старейшин, чтобы объявить о своем намерении отправиться на Пэнлай за целебными травами, способными остановить эпидемию.

— Глава секты Уцзи, Цин Янь, прислал весть: только трава Ветра, растущая на островах Пэнлай, может излечить от ядов. Но в то же время разлом в Зеркале Воды становится всё больше, его нужно заделать. Я и семеро других бессмертных решили спуститься с гор, чтобы собрать травы и запечатать разлом.

Цин Янь, сидевший чуть поодаль, не мог скрыть беспокойства:

— Учитель, трава Ветра веками охраняется кланом драконов, живущим на Пэнлае. Острова окружены барьерами, пройти через которые могут лишь совершенствующиеся стадии Золотого ядра. Но драконы невероятно сильны, и с тех пор, как пал Бог Войны, они стали свирепыми и неуправляемыми. Как вы собираетесь отобрать у них траву?

Минхуэй взглянул на него и медленно ответил:

— Об этом не беспокойся. Просто знай: если нам не удастся добыть траву, немедленно начнется соревнование сект, чтобы выбрать трех лучших учеников выше стадии Золотого ядра для похода на Пэнлай.

Хотя Цин Янь не понимал смысла этого распоряжения, он покорно ответил согласием.

— Пока нас не будет, секта Юсянь переходит под управление одиннадцатого. Помогайте ему во всем, поддерживайте порядок и правое дело, поняли?

Шестнадцать старейшин поклонились и дружно ответили утвердительно.

Минхуэй лично прикрепил печать главы к поясу Юнь Тина. В его старческом голосе слышалась нежность, он погладил ученика по голове:

— Одиннадцатый, секта Юсянь и мир людей теперь на тебе.

Юнь Тин почувствовал беспокойство. Он закусил губу, собираясь честно признаться, что может не справиться с такой ношей, но вдруг вспомнил разочарованный взгляд Ши Сюньлюя прошлой ночью. Почему-то ему не хотелось видеть его грустным.

Сможет ли он защитить мир людей, когда учитель уйдет? Сможет ли он сделать Ши Сюньлюя счастливым?

Юнь Тин не знал.

Но когда его взгляд скользнул по лицам соучеников, смотревших на него с таким почтением и доверием, слова, застрявшие в горле, внезапно исчезли.

— Я буду беречь мир людей, — произнес он спустя долгое время. Его голос был звонким и твердым, разносясь по всему залу. — Клянусь Путем бессмертных.

<http://bllate.org/book/19526/1914585>